

Колонка РЕДАКТОРА

Провожая старый год, первый год нашего (с вами — а иначе зачем?!) журнала, — оглянемся. Без камня в руке и без старого компаса на поводке педнеобходимости. Просто оглянемся и оценим путь, пройденный за этот год. *Начнём с мемуаров. Учитель, успевший оказаться заслуженным, а главное — признанным учениками, — вспоминает, как впервые вошёл в класс...*

...Учителем себя почувствовал, когда был на практике. Нас затолкали в класс и умоляюще напутствовали: «Вы ещё молодые. Жалко. Но сделайте хоть...» — последние слова сплющились от грохота: сзади захлопнулась дверь, впереди гремели стулья, равномерно роняемые на столы... Холодок уже царапал спину. Мне по крайней мере: у напарницы Зои (теперь Зои Петровны) я за десяток лет так и не спросил, что она тогда ощутила.

В классе, куда мы попали, за три месяца уже сменилось семь историков. Дело осложнялось тем, что у нас обоих отсутствовали кликухи. А дети признавали только Кровавую Мэри (физичка) и Химеру (тут всё понятно). А разные Людмилы и просто Коли могли встать на уши, но на них в этом классе никто не обратил бы внимания.

— Эти из педухи! — кто-то авторитетно прокомментировал наше появление.

Отступить было поздно: заметили! Кроме того, их было сорок три, и если им показать две студенческие спины, — вышел бы конкретный конфуз.

— Здравствуйте, дети! — обнаружилась моя напарница.

— Кто у вас болен? — сморозил я вспомнившиеся детские стишки. Но оказалось, что это — именно то, что сейчас нужно! И я заорал:

— А если все здоровы, то чего расселись?! — Так! — Теперь садитесь, а первые парты освободить! — Что значит куда? — Да можно на подоконник! — В коридор? — Пожалуйста: больше кислорода...

От такой наглости дети слегка опешили и принялись делать именно то, что я требовал. Первые парты (их с этого момента стали звать штурманскими) очистили сразу. О подготовке к нашему визиту напоминала только надпись «Салаги!», но мы её не разглядели. Более того, меня нисколько не удивило, что в руках оказалась гитара, которую я перед этим случайно увидел в учительской...

Господа юнкера!

В штыковую! Ура! —

пел я, понимая, что это о нас с Зоей, внезапно (прежде всего для самих себя) ставших авторами этой непрочной тишины. Но в штыковую идти уже не приходилось: мне пытались подпевать, когда я старательно повторял строчки.

— На германской войне только пули в цене! — не успел я закончить, как услышал рядом твёрдое, не предполагающее возражений:

— Вот это и тема урока!

Через пять лет хулиган Петя признался: — Да девчата нас потом всех грузили: «Какие вы пацаны, если на гитаре не умеете?» Но им этого мало: они требовали, чтобы всё «под Серёгу». Знаешь... Знаете, они нас достали: кто не «под Серёгу», — тот ботанический!

— И долго вы это терпели?
— Два года. А потом пришла Зоя Петровна, — тут уж мы на девчатах оттянулись! И чтобы всё по-честному: мы — на гитаре, а они в шифоне.

Целью школы всегда должно быть воспитание гармоничной личности, а не специалиста.

А. Эйнштейн

Такие вот воспоминания. В них — голос несомненно талантливого педагога, «под которого» принялись выстраивать жизнь ребята. Скоро всем праздновать Новый год, и, окажись мы среди тех школьников, к которым, цепenea от страха, втокнули когда-то «юнкеров», — услышали бы непременно в их среде тост: «За Зою Петровну и за Сергея Борисыча!!!» Давно в углу та гитара, тренькать на которой учились в этом классе все. И Зоя Петровна уже не в шифоне. Но о том первом уроке и ребята, и наставники вспоминают регулярно, оказавшись вместе за новогодним столом. Вот нам бы всем так — воспитывать, не произнося этого слова. Учить, отложив указку и не зашториваясь в прикиды благородных девиц или архивных юношей.

Кто постигает новое, лелея старое, тот может быть учителем.

Конфуций

Но не прикиды главное. И это понимаешь, когда в новогодье любимый учитель появляется в доспехах Деда Мороза — и остаётся любимым учителем. А рядом — классная дама в сверкании кокошника Снегурочки, но остающаяся классной дамой. Не прикиды главное! И это осознаешь, когда делаешь вывод: воспитывать — значит становиться любимым. Неповторимым. Единственным. Самым честным и самым верным. В этом — единственный смысл и рецепт школы воспитателя. А иначе — зачем?

Второй сюжет, на первый взгляд, не имеет отношения к школьной жизни. И воспитатель, очевидно, не может потрясти корочками перед изумлённым кланом профессиональных педагогов. Но он — воспитатель, и это — не корочки, а сама жизнь. Пусть

и спрессованная до размеров троллейбуса, в котором ребята ехали в цирк.

...А троллейбус с характером, что понравилось ребятам! Тормозит — и дети с индейским кличем мчатся вперёд, сметая всё на пути. Троллейбус разгоняется — они валятся друг на друга, хохоча и матерясь так, что позвякивают стёкла, а пассажиры шарахаются в стороны.

— А я его трррах! — доносится откуда-то; по мгновенно сцепившемуся клубку тел можно догадаться, откуда. Свист, писк, хохот... — Может, успокойтесь? — набравшись храбрости, интересуется дама, которой сейчас выходить.

— Варежку прикрой! — Смех. — Это я не тебе! — Смех. — Это я тебе! — щелчок по лбу. — Кья! — Визг. — Ты как себя ведёшь, чмо? — Хохот. — Один другого дёрнул за козырёк бейсболки. Тот послал подальше: фирма всё-таки!

Стараясь себя никак не обнаружить, упорно глядя на кучи мусора, проплывающие за окном между рекламными щитами, затаив дыхание, сидит женщина. По тому, какой ужас и какая покорность судьбине в её глазах, можно догадаться: это она везёт своих питомцев смотреть зверушек и наслаждаться искусством клоунов.

— Перестань! — не вытерпев, говорит она кому-то. В этот момент все в общем порыве восторга валятся на пол и на сиденья, на пассажиров, на сумки, Хохот, мат, тычки, наигранное повизгивание...

— А почему так тихо? — интересуется шошедший молодой человек.

— ?! — на миг действительно стало тихо.

— Если вы в цирк, то не надо: звери от страха разбегутся — вам самим придётся по бочкам прыгать!

— А вам-то что? — интересуется бойкий паренёк.

— Так. Ничего. А ты знаешь, кто бегаёт быстрее всех?

— Гепард. Я читал!

— Ну и лажа! Шакал обгонит твоего гепарда! А быстрее всех...

— А пантера? Она что, париться будет, да?!

Обоих перегонит!

— Ладно, в цирке увидите. Если их не распугаете, конечно. А вот почему... почему снег белый — вода же бесцветная?

— На самом деле вода голубая!

— Ты сам голубой! — Тр-рах. — Бам-м! —

Ой! Иди ты...

— Нет. Я вижу — от вас действительно медведи разбегутся. Да расцепитесь вы! Вот воробей летит: если влетит в троллейбус и не изменит скорости, — зависнет или полетит по салону?

Все уставились на воробья, порхнувшего за стёклами, и, казалось, готовы были решиться сделать открытие, если бы не строгий голос:

— Нам выходить!

Учительница вышла и направилась вперёд, не сказав больше ни слова и не оглядываясь. Она несла на себе бремя забот и педагогического достоинства. А ребята, высыпав на остановку, махали вслед троллейбусу, увозившему молодого любителя вопросов. И было видно: задачу про воробья они будут решать. Вместе. И без мата...

Колонка РЕДАКТОРА

Зарисовка эта сделана тоже в предчувствии Нового года. И раскрывает она второй принцип школы воспитателя: не надо бояться детей!

Этот номер журнала, заключительный в уходящем году, мы посвящаем тем, кто не привык бояться. Никого и никогда. Ведь обратите внимание: выпрыгивают из классов в предчувствии обморока как раз те воспитатели-учителя, которые ни о чём, кроме этого обморока, и не помышляли! То есть — боялись, а в конечном счёте, — боялись своего педагогического успеха и оказались пленниками педагогического (увы!) суеверия.

Когда же хрустальные бокалы, слетаясь в неудержимом порыве единения, ознаменуют приход Нового года, вспомните и нас, желающих вам избавиться от всего, что мешало, что медлило, что не давало стать любимыми и смелыми. Успеха вам! И до новых встреч в новом году!

Александр Мурашов